

Михаил Самарский

РАССКАЗЫ

Михаил Самарский
Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Самарский М. А.

Рассказы / М. А. Самарский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В сборник вошли рассказы, написанные с 2010 по 2018 годы. На обложке фото автора.

КАЗНЬ

Эдик Гаврин получил своё прозвище из-за непримиримой борьбы с врагами отечества – Че Гевара. Правда, в отличие от настоящего Эрнеста наш Эдуард ловил врагов народа в интернете. Он круглыми сутками напролёт просиживал в социальных сетях, на новостных порталах, там, где можно было оставлять комментарии и, как он сам говорил, высказывать своё мнение. «Расстрелять!», – писал он под новостью, где мужчина, находясь за рулём автомобиля, сбил пожилую женщину. И неважно, что женщина осталась жива. Всё равно «потенциального» убийцу нужно казнить. То, что женщина переходила дорогу в неполюженном месте, на тяжесть наказания, по мнению Че, тоже не влияло.

«Чем жёстче будет наказание, – утверждал доморощенный «революционер», – тем больше будет порядка, законопослушные граждане сто раз подумают, прежде чем нарушить закон или правила, никто не должен уйти от ответственности».

В новостях прошла новость о том, что подросток забрался в чужую квартиру и устроил там погром. Комментарий от сеньора Че не заставил долго ждать. «Как минимум, десять лет каторги мерзавцу, – пишет Эдуард, – желательно, на урановые рудники, такие ублюдки не должны жить в нормальном, цивилизованном обществе, нечего им делать среди нас...». И глубоко наплевать товарищу Гаврину на то, что накануне владелец квартиры утопил щенка, который случайно выскочил на лестничную площадку и в клочья разорвал тапок соседа. Ну, нахулиганил малыш, с кем не бывает. Хозяин собаки готов был компенсировать мужчине потерю или, на крайний случай, купить новые тапочки, но через полчаса «потерпевший» вынес какой-то пакет в мусорный бачок, пожимая плечами, мол, откуда я знаю, куда убежал ваш щенок. Мальчик дошёл до помойки и раскрыл пакет, там лежал мокрый и мёртвый маленький собачонок.

Никто не спорит, пацан нарушил закон, забрался в чужую квартиру, перебил там всю посуду, угрохал какую-то невероятно дорогую старинную вазу, цену которой не сразу и выговоришь. Конечно, нарушитель, конечно, можно сказать, преступник, и, разумеется, должен понести наказание, но не каторгу же в самом деле отправлять школьника, от отчаяния отмстившего неразумному соседу-садисту.

Мать-одиночка оставила без присмотра малыша, а тот неразумный вывалился из окна девятого этажа. Вы бы видели её на опубликованном видео, где она отвечает на вопросы следователя. При возрасте двадцать лет на вид ей лет пятьдесят. Седая, растрёпанная, губы, искусанные до крови, видно, что горе её неутешно, а тут Эдик Че со своим комментарием: «Вот эту суку, точно нужно отправить на виселицу, угробила ребёнка, что это за мать такая! На виселицу паскуду!». И главное – многие с ним согласны, поддакивают, дескать, нет порядка в нашем отечестве, одни комментаторы предполагают, что, наверное, стерва пьяная была, другие пишут, а может с любовником кувыркалась, третьи – да она наблюдала, как несмышлёное чадо вывалится из окна, небось, ребёнок-то нежеланный был, надоел. Комментаторы в сети они же всё знают, до всего догадаются, их не обманешь, скольких уже уродов вывели на чистую воду.

Че невероятно гордится тем, что у него в каждой социальной сети по несколько тысяч читателей и подписчиков. «Да я только кину клич, – хвастался он друзьям-студентам, – мы любого привлечём к ответственности, раздавим гниду, никто не уйдёт от справедливого возмездия...».

Мужчина устроил перестрелку в кафе, одного посетителя ранил, другого убил. Что там у них произошло, пока одному богу известно, да, может, кое-что следователю. Но Эдуард наш на страже. «Предлагаю таких отморожков расстреливать на месте, зачем таким скотам жить в нашем обществе? Казнить немедленно!». Не важно, что в конце репортажа приписка

имеется, мол, пострадавшие вымогали с правонарушителя крупную сумму денег. Когда Эдуарду в комментариях об этом напомнили, он тут же написал: «Одно дело деньги вымогать, другое – убить человека. Око – за око. Преступник должен знать: убил человека, значит и тебя убьют. И нечего чикаться с такими. Наказание должно быть справедливым».

«Никого не надо щадить, – писал Гаврин в своём блоге, – так мы никогда не наведём порядок. Преступников нужно уничтожать – вешать, расстреливать, вводить им смертельные инъекции. Чем больше уничтожим, тем ниже будет уровень преступности, тем комфортнее будет нам жить!».

Как-то в новостях прошёл репортаж о мужчине, убившем жену, соседа-любовника, а заодно и тещу. Видно, крышу мужику сорвало конкретно. Тут точно без пожизненного не обойтись. Но наш Че категорически против пожизненного, только казнь. «Зачем их кормить, – рассуждает Эдик, – зачем они на шее общества будут сидеть? Тратиться ещё на его охрану, кормёжку, одежду и прочее. Нет, таких нужно непременно казнить!».

Однажды вечером в дверь настойчиво позвонили, Че отворил дверь, на пороге стояли двое мужчин крепкого телосложения. Один в приказном тоне сказал:

– Гражданин Гаврин, одевайтесь, пройдемте с нами.

– А кто вы? – опешил Эдик. – Куда вы мне предлагаете пойти?

– У вас что-то со слухом? – спросил мужчина и добавил: – Не пойти, а пр-р-ройти.

Улавливаете разницу?

– В полицию? – ахнул «революционер». – А за что? Что я такого сделал?

– Не знаю, нам не докладывают, приказано доставить, мы выполняем. Одевайтесь, – повторил суровый гость.

Через полчаса Эдика ввели в подвал, расположенный под зданием ОВД, в помещении в углу горела тусклая лампочка, и на корточках сидел мужчина в наручниках.

– Встать! – заорал на него полицейский.

Мужчина встал и испуганно посмотрел на вошедших.

Второй полицейский, обращаясь к Этику, сказал:

– Товарищ Гаврин, перед вами преступник, убивший трёх человек. Вы, наверное, видели недавно новость, он убил жену, любовника и пожилую женщину, мать жены. Тайное общество по борьбе с преступностью отлавливает таких мерзавцев и в этом подвале казнит их. Сегодня мы эту миссию мы решили поручить вам.

– В с-с-с.. смысле, мне? – дрожащим голосом спросил Эдуард, – Вы что предлагаете?

– Мы же объяснили уже, – усмехнулся один из полицейских. – Вам предоставляется возможность казнить отщепенца, – оно передёрнул затвор пистолета, и протянул оружие Эдуарду Че.

«Какой же он тяжёлый, – промелькнуло в голове у Эдика, – никогда не думал, что пистолет столько весит».

– Но... Как же... Почему я? – едва не заплакал Гаврин.

– А кто? – развёл руками полицейский. – Мы, слава богу, настрелялись тут все. Вот решили подключать к этому процессу общественность. Вас мы выбрали неслучайно, вы являетесь нашим последовательным сторонником. Так что смелее, товарищ Гаврин. Это несложно, просто целитесь в сердце и плавно жмёте на спусковой крючок. И всё!

– Вы это серьёзно? – побледнел Эдик. – Вы предлагаете мне убить человека?

– Что за розовые сопли, юноша? – гаркнул третий мужчина, стоявший сзади. – Мы предлагаем не убить, а казнить, и не человека, а преступника. Вы что, совсем не понимаете разницы?

– Понимаю, но... я же... я... не готовился к этому... я учусь в финансовом институте...

– Как не готовились? Да мы уже три года читаем твои статейки, и почти в каждой ты предлагаешь и призываешь вот этих мразей, – он кивнул в сторону дрожащего мужчины в наручниках, – расстреливать. Вот мы и решили предоставить тебе такую возможность. Чего стоишь? Стреляй.

– Прямо сейчас? – спросил Эдик.

– Ну а чего тянуть? Мы не собираемся сидеть в подвале до утра. Давай-давай, смелее. Ты чего дрожишь?

– Да нет, – пожал плечами Эдуард, – я не боюсь, но... понимаете...

– Ну, что ещё? – повысил голос один из полицейских. – Долго ты голову будешь нам морочить? Стреляй! Один в грудь, другой, контрольный, в голову и пошли по домам.

«Революционер» Че почувствовал, как у него задрожали ноги, а по спине покатались струйки пота, в желудке случилась какая-то катастрофа, неожиданно начало тошнить.

– Извините, но я не смогу, – тихо сказал Гаврин и опустил голову.

– Ты чего как тряпка себя ведёшь? – голос звучал откуда-то издалека. – Возьми себя в руки.

– Нет-нет, извините, – заплакал Эдик, – я не смогу.

– А кто должен его казнить? – пробасил один из полицейских. – Кто будет убирать эту нечисть с нашей земли? Последний раз спрашиваю: будешь стрелять или нет?

– Пожалуйста, не заставляйте меня, – взмолился Гаврин. – Ну, не смогу я убить человека, не смогу.

– Ты чего заладил? «Убить», «человека», – передразнил полицейский. Сколько тебе раз повторять? Это не убийство, это казнь. Это не человек, а преступник. И ты не убийца, а...

– Кто? – выпалил Эдик. – Я-то кто?

– А ты в данной ситуации палач! – зло ухмыльнулся полицейский.

– Нет! – закричал Эдик. – Я не хочу! Я не хочу быть палачом! Я не буду стрелять...

Пожалуйста, умоляю вас!

– Хорошо, – сказал полицейский, – может, тогда отпустим, его? – он кивнул в сторону мужчины в наручниках?

– Не знаю, – замотал головой Эдик. – Делайте, что хотите, но я не буду стрелять, я не смогу.

– Последний раз предлагаю, – объявил страж порядка, – иди ты казнишь преступника, или мы его отпускаем.

– Отпускайте, – согласился Эдик, и протянул обратно пистолет. Рука его дрожала.

Один из полицейских подошёл к преступнику, вставил в наручники ключ, и они упали на бетонный пол.

– Вы свободны! – объявил сотрудник.

Преступник вышел из камеры и рванул на волю.

– Вы понимаете, что вы натворили, Гаврин? – спросил полицейский. – Вы только что отпустили на свободу убийцу трёх человек. Как вы будете с этим жить?

– Да бог с ним, – с облегчением вздохнул Че и жалобно спросил: – А как бы я жил после убийства?

– Ладно, иди, чёрт с тобой, тоже мне, борец с преступностью.

Эдуард стремглав бросился домой.

– Палыч, с тебя бутылка коньяка! – рассмеялся один из полицейских. – Я же тебе сказал, что откажется.

– Да, проспорил опять. С этими сопляками ни черта никогда не выиграешь.

В камеру вернулся «преступник».

– Вы хоть не забыли заменить магазин? – спросил он.
– Не переживай, магазин пустой.
– А то доиграемся, сдуру пальнёт кто-нибудь.
– Можешь спокойно спать, Степан, они только в интернете революционеры и борцы с преступностью, а здесь в подвале до сих пор запашок стоит, чувствуешь?
Все рассмеялись.

Сапфировый поезд

*Мечта хороша и полезна, если только
не забывать, что она мечта.
Жозеф Эрнест Ренан*

– Тём, ты, видимо, что-то перепутал. Я знаю расписание наизусть – нет там такой электрички. На 10:15 есть, следующая в 10:35, на 10:27 – нет. И никогда не было! – Ирина хлопнула Артёма по плечу и, подмигнув, развела руками: – Не расстраивайся, бывает.

Но одноклассник и не думал расстраиваться.

– Есть-есть! – усмехнулся он. – Неправильное твоё расписание. Я каждый день езжу на 10:27. Очень удобный поезд – в нём никогда не бывает толпы, а стёкла в вагонах то ли сапфировые, то ли хрустальные, но все цвета за окном яркие и насыщенные. И самое главное – когда едешь в этом поезде, небо никогда не бывает хмурым, всегда на небе солнце...

– Артём, – нахмурившись, перебила Ирина, – ты решил меня разыграть? Что значит всегда... Впрочем, я же говорю тебе. Что такого поезда нет. Я иногда опаздываю на 10:15 и уезжаю на следующей электричке, то есть в 10:35. И никогда (ты слышишь меня?) никогда между этими двумя поездами не было ещё одного. Скажи, что ты пошутил.

Тёма взглянул на часы и произнёс:

– Сейчас сама увидишь.

Ирина внимательно посмотрела на своего спутника, и ей захотелось потрогать лоб парня. «Может, заболел, – подумала она. – Ну, в самом деле, что за чушь он несёт? Какой поезд, какие сапфиры, какое солнце? Ага, особенно сегодня! Ещё утро, а кажется, что уже вечер наступил...»

– Смотри-смотри! – воскликнул парень. – Видишь?

– Что? – раскрыла рот Ирина.

– Ну, как что? – Артём указал в сторону перрона. – Солнечный поезд подходит, вставай! Что же ты сидишь? – он протянул девчонке руку.

Ирина сначала рассмеялась, а затем, увидев сияющее лицо одноклассника, испуганно сказала:

– Что с тобой, Тёма? Ты заболел? Какой солнечный поезд? Я же тебе сказала, что никакого...

– Так ты едешь со мной? – перебил Артём.

Ирина стояла молча.

– Едешь или нет? – повторил Тёмка.

Ирина не знала как нужно вести себя в такой ситуации, она понимала, что с парнем что-то случилось, но взять и сказать ему в лицо, что он не в себе, она не решалась.

– Тём, – опустила она глаза, – понимаешь...

– Давай, до встречи, – весело произнёс Артём, – ты просто испугалась. Но, может, в следующий раз вместе поедем. Я тебя жду на конечной!

Голос парня стих, Ирина некоторое время сидела молча, не решаясь взглянуть на Тёму, а когда подняла голову, его на перроне не оказалось. Она pokrутила головой по сторонам,

встала со скамейки, прошла по перрону, но парня нигде не было. Девушка даже тихонько крикнула: «Тёма-а-а! Прекрати! Хватит дурачиться!». В 10:35 строго по расписанию подъехала электричка, Ирина вошла во внутрь и до последней секунды, пока не затворилась дверь, была уверена, что Тёмка сейчас откуда-то вынырнет, радостно обнимет её, и они вместе тронутся в путь.

Чуда не произошло. Оно не произошло здесь в самом начале пути. Зато в конце пути Ирка опешила. Подъезжая к конечной станции, она вдруг через окно увидела на перроне поджидавшего её Артёма.

«Как он сюда попал? – невольно прошептала девчонка. – Ну, ладно, он потом вышел бы из другого вагона, подошёл бы ко мне сзади и разыграл бы свою дурацкую шутку. Но мы же только подъезжаем, ещё затворены двери, а он стоит на перроне. Как такое возможно? И возможно ли такое вообще?».

Было чему изумиться – другим транспортом с такой скоростью сюда просто не добраться.

Ирина ещё раз пристально взгляделась в лицо юноши, машущей ей с перрона рукой. Сомнений, что это Тёма, не осталось. Она вышла на перрон и растеряно спросила:

– Как ты здесь оказался? Ты на чём добрался?

– Ир, – улыбнулся Тёма, – ты, наверное, думала, что я шучу?

– Ты о чём? – вздёрнула брови Ирина.

– О солнечном поезде, – ответил Артём. – Я же тебе рассказал. Ты не поверила?

– Послушай, дорогой, – Ирина была раздражена, она ничего не понимала, – какой поезд? Мы с тобой там были вместе. Где ты видел свой солнечный поезд? Ты меня что, за дурочку принимаешь?

– Успокойся, Ир, – юноша взял девушку за руку, – это не розыгрыш. Это...

– А тогда что? – ехидно спросила Ирина. Как ты оказался здесь вперёд меня? Можешь объяснить?

– Боюсь, что пока нет, – грустно ответил Артём.

– Это ещё почему? – удивлённо спросила Ирина. – У тебя от меня какие-то секреты?

– Никаких секретов, – ответил Артём. – Просто тебе нужно успокоиться. Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – возразила девушка. – Я спокойна! Так что, можешь смело говорить.

– Пойдём в парк, – неожиданно предложил парень. – Найдём уютное местечко, там днём народу мало, и я тебе ещё раз всё подробно расскажу. Договорились?

Девушка ничего не ответила, лишь молча кивнула. В парке действительно было безлюдно, редкие прохожие, в основном пожилого возраста, медленно передвигались по тщательно вычищенным дорожкам – у стариков это называется «подышать свежим воздухом» или «размять косточки». Во всяком случае, так всегда говорила, бабушка Артёма, когда была жива. В прошлом году её не стало, но за несколько дней до смерти, она успела рассказать внуку о дополнительном поезде. О том самом, который Артём называл «солнечным».

– Ну, говори! – наконец-то потребовала подруга.

– Понимаешь, Ир, – начал Артём, – солнечный поезд – он необычный.

– В каком смысле? – почему-то шёпотом спросила Ирина.

– Его видят только те, кто желает его увидеть? – Артём внимательно посмотрел в глаза девушке. – То есть нужно захотеть его увидеть! Понимаешь?

– Пока нет, – честно призналась Ирина. – Ты только скажи мне честно, это не розыгрыш?

– Ну, что ты заладила: «розыгрыш-розыгрыш», – передразнил Артём.

– Как-то всё это необычно, – смущённо ответила девушка.

– Клянусь! – улыбнулся юноша и добавил: – Это не розыгрыш.

– Хорошо, – тяжело вздохнула Ирина, – тогда рассказывай дальше.

– А собственно дальше-то и рассказывать нечего, – пожал плечами Артём, – ты либо веришь в солнечный поезд, либо нет. Если веришь, ты его видишь и можешь ехать на нём куда хочешь, если не веришь, ты его ни за что не увидишь, и он проедет мимо тебя, как это случилось сегодня. Я думал, ты мне сразу поверишь, но ты до последнего сомневалась и... Я наверное, показался тебе больным?

– Если честно, – Ирина откашлялась в кулачок, – я до сих пор так считаю. Теперь пока сама не проедусь...

Парень замялся.

– Тут такое дело, Ир, – он тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть собеседницу, – с таким подходом ты можешь так ничего никогда и не увидеть. Ещё раз говорю: в солнечный поезд нужно верить. Ты же не можешь ступить с перрона в пропасть, то есть на рельсы, там, где пустота. Верно? А если ты будешь сомневаться, то там и останется пустота. То есть ты не пойдёшь в дверь, пока его не увидишь? Правильно?

– Ну, в общем-то да, – согласилась девушка и тут же предложила: – Тогда научи меня.

– Чему? – удивлённо спросил Артём. – Чему тебя научить?

– Верить! – воскликнула Ирина.

– Этому не учат, Ир, – вздохнул юноша.

– А как же быть? – чуть не плача спросила Ирина. – Кстати, а ты сам-то как его увидел и почему поверил, что он существует?

– Мне бабушка рассказала, – ответил Тёма.

– И что? Ты сразу ей поверил? – удивилась Ирина.

Артём покраснел. Спустя минуту сказал:

– Ты знаешь, мне до сих пор стыдно вспоминать, но я подумал, что бабуля моя того... Ну, ты понимаешь меня, – он покрутил пальцем у виска. – Всё-таки старушке было уже под девяносто. В таком возрасте немудрено и...

– Конечно, понимаю, – улыбнувшись, перебила Ирина, – я и сама сегодня о тебе так подумала. Ну, в смысле. что у тебя с головой что-то случилось. Не обижайся, ладно?

– Ладно! – кивнул Тёма.

– Согласись, как в это можно поверить? Стоят десятки людей на перроне, мимо них проезжает поезд, и никто его не видит. Разве такое может быть? И долго ты искал этот поезд? Имею в виду, пока увидел его?

– Нет! – замотал головой Артём. Бабушка опередила меня и развеяла мои сомнения: «Тёма, не думай, что я на старости лет чокнулась. Нет! Просто я боюсь опоздать и унесу с собой тайну «сапфирового поезда».

– Сапфирового? – округлила глаза Ирина. – Так солнечный или...

– Это не имеет никакого значения, – улыбнулся Тёма. – Бабушка называла его сапфировым, я – солнечным, возможно, тебе захочется назвать его как-то по-другому. Это ровным счётом не имеет никакого значения и никак не влияет на сам поезд.

– И что дальше? Говори же, что дальше? – потребовала Ирина.

– Дальше всё просто, – продолжил Артём, – на следующий день мы поднялись с бабушкой на перрон и ровно в 10:27 подошёл поезд, мы вошли с ней в вагон и поехали. В тот день небо на улице было хмурое и низкое. А из вагона я увидел солнце и ослепительно белые облака.

– Потрясающе! Слушай, – радостно вскрикнула Ирина, – а можно я назову поезд «облачным». Я обожаю белые облака.

– Конечно, можно, – закивал Артём. – Кто тебе может запретить?

– Эх, – печально вздохнула Ирина, – теперь бы ещё верить в него, чтобы увидеть...

– А разве ты ещё не поверила, – удивился Тёма, – если ты даже название ему придумала? Мне кажется, мы уже договорились, разве не так? Или ты всё сомневаешься?

– Чутьочку-чутьочку, – честно призналась девушка.

– У тебя время ещё есть, – сказал Артём, – до завтра избавляйся.

– Да, точно! – согласилась Ирина и добавила: – Значит, завтра поедем на 10:27?

– Ну, если готова, поедем, – согласился Артём. – Если желаешь...

– Конечно, желаю, – Ирина подвинулась к Артёму поближе и положила ему голову на плечо. – Тём, мне так хорошо с тобой.

– Мне с тобой тоже, – тихо сказал юноша и покраснел.

– Слушай, – спохватилась Ирина, – а какой у него маршрут? У нашего поезда? Откуда и куда он катается?

– Я ещё не пробовал на нём путешествовать – ждал тебя. Бабушка сказала, что сесть в него можно только на нашей станции, а поехать – в любую точку планеты.

Ирина раскрыла рот и округлила глаза:

– Как в любую точку? И в Африку?

– Да хоть в Антарктиду, – улыбнулся Артём. – Но опять-таки нужно захотеть.

– Да-да-да! – радостно захлопала в ладоши девушка. – Я хочу! Очень хочу! Очень-очень-очень!

– Куда? – спросил Тёма.

– Ну... ну... я ещё не знаю, – смутилась собеседница.

– Странно! – тихо произнёс Артём.

– Чего ж тут странного?

– Сама ещё не знаешь, куда, а говоришь «хочу»!

– Но я имела в виду, хочу путешествовать, хочу...

– Ладно, – перебил Артём, – всё у нас ещё впереди. Не будем забегать вперёд. Сначала ты должна увидеть солнечный поезд.

Они встали с лавочки и медленно направились в сторону вокзала. Артём и Ирина решили вернуться домой – завтра ответственный день, а сегодня никуда больше не хотелось идти.

УЖИН

Голод не спрашивает, что съедобно, а что нет.

Бенгальское изречение

Павел Фёдорович Скоромкин под новый пригласил год свою семью на день рождения в итальянский ресторан «Сицилийские традиции» – жену, дочь пяти лет и сына-первоклассника. Все такие нарядные, яркие, блестящие, благоухающие. Жена сверкала новыми серьгами, поправляла причёску и беззаботно вздыхала в ожидании чудесного ужина. Дети, раскрыв рот, разглядывали необычный интерьер заведения, переливающийся разными цветами фонтан, брат что-то шептал ухо сестре, и они оба загадочно и весело хихикали.

Папа ещё по дороге пообещал, что сегодня их стол увидит удивительные блюда, мясо, салаты, красивые соусы, экзотические фрукты. Всё будет, как он выразился, несказанно вкусно и по-царски великолепно.

Стол не стали накрывать заранее, глава семейства пояснил, что сделано это нарочно, он попросил персонал ресторана, чтобы блюда приносили в присутствии гостей, дескать, так

постепенно раскаляется аппетит и в полной мере ощущается красота и аппетитный запах деликатесов.

Официант налил взрослым членам семьи в бокалы вина, супруги звонко чокнулись и сделали по несколько глотков.

– Горячее подавать? – услужливо спросил официант.

– Да-да, – закивал мужчина. – Мы изрядно проголодались. Живём за городом, пока добрались, сами понимаете...

– Сию минуту, – произнёс официант.

Главным блюдом праздничного стола было каре ягнёнка вымоченное в красном вине. К мясу подали розмариновый соус, над столом поплыл ароматный запах, Ангелина Фотеевна сглотнула слюну и, украдкой взглянув на мужа, взяла в руки нож и вилку.

– Ну, что, дорогие мои домочадцы, – начал Павел Фёдорович, – сегодня я угощаю вас молочным ягнёнком. Это старинное итальянское блюдо, оно вам запомнится навсегда...

– А мясо варили в молоке? – спросила маленькая Эмма.

Отец сделал небольшую паузу и принялся объяснять дочери:

– Нет-нет, что ты, Эммочка, молочным его называют, потому что это мясо... Это... В общем, – и тут вдруг стало ясно, что объяснить значение выражения «молочный ягненок» не так уж и просто, во всяком случае, пятилетнему ребёнку.

А тем временем официант принёс четвёртую тарелку с мясом и пожелал гостям приятного аппетита.

– Спасибо, – буркнул Павел Фёдорович, и продолжил: – понимаешь, Эмма, ягненок – это такой маленький барашек... Помнишь, мы на море кушали шашлык из баранины. Так вот это почти то же самое, но...

– Там был взрослый баран, а это его ребёнок, – объявил сын Вениамин.

– Что ты такое говоришь, Веня, – шикнула мама, – какой ещё ребёнок? Думай, что говоришь?

– Папа, – громко рассмеялся Веня, – наша мама не знает, что ягненок это сын барана. Мамочка, ягненок рождает овечка, телёнок – корова, цыплёнок – курица.

– Ну, допустим, курица не рождает цыплёнок, а высиживает его из яйца, это раз, – возразил папа, – а во-вторых..., – и тут он стушевался.

С яйцом всё понятно, а что говорить о ягнёнке с телёнком, Павел Фёдорович никак не мог сообразить.

И тут родители увидели широко раскрытые глаза дочери, полные ужаса.

– Мы что, будем кушать ребёнка? – дрожащим голосом спросила девочка.

– Эммочка, милая, – приобнял её папа, и подмигнул сыну, – Веня пошутил. Никакой он не...

– Ничего я не пошутил, – пропустив подмигивание, сказал сын, – хотите в поисковике наберу, – он вынул из кармана смартфон.

– Не надо, – вскрикнула мама, прожёвывая уже отправленный в рот кусок мяса, – убери его немедленно, мы, что, пришли сюда в телефонах сидеть? Ты и так сутками в нём торчишь, ещё давай отца день рождения просидим...

Вениамин нехотя отправил телефон в карман джинсов, и, нахмурившись, сказал:

– Вы же мне не верите...

– Верим, Веня, – закивал папа, – конечно, мы тебе верим, но сейчас это, как бы тебе сказать, понимаешь, не совсем уместно, разбирать родословную баранов и овец.

– А почему ты говоришь, что я пошутил? – обиженно спросил Веня. – Я ведь сказал правду.

– Ну, хорошо-хорошо, – замахал руками папа, – ты сказал правду.

Веня повернулся к сестре и спросил:

– Слышала, ягнёнок – это овечкин ребёнок.

– Он умер? – спросила Эмма.

Ангелина Фотеевна поперхнулась и прикрыла рот рукой, сдерживая изо всех рвотный позыв.

– Так, хватит! – глядя на побледневшую, супругу, прикрикнул отец. – Что за разговоры за столом? Берите приборы и ешьте.

– Я не буду есть мёртвого ребёнка, – заявила Эмма.

Мама швырнула вилку на стол и схватилась за сердце.

– Эмма, – нахмурил брови папа, – это что ещё за номера? Ты хочешь нам всем испортить сегодня праздник? Ты сначала попробуй, это невероятное блюдо. – Отец отрезал кусочек мяса, наколот его на вилку и протянул дочери. – Возьми, скушай капельку.

– Бе! – скривившись, сказал Эмма и рукой отстранила угощение. – Я это не буду есть.

– Но почему? – возмутился папа. – Я же старался, доченька. Пронимаешь, это едят все люди. Человеку необходимо есть мясо.

– А кто его убил? – неожиданно спросила дочь.

– Кого? – оцепенел глава семейства.

– Ну, его, – Эмма кивнула на тарелку с кусками мяса.

Ангелина Фотеевна, не выдержала и, вскочив со стула, вышла из-за стола.

– Я в туалет, – бросила она на ходу.

За столом воцарилась гнетущая тишина. Первым её нарушил Веня.

– Эмка у нас веганша! – воскликнул он.

Сестра посмотрела на брата с недоумением и, обратившись к отцу, едва не плача, сказала:

– Папа, а Веня обзывается.

– Глупенькая ты, – рассмеялся брат, – это не обзывалка, так называют людей, которые не едят мясо. Ты не хочешь есть мясо, потому ты теперь веганша.

– Папа, я не хочу быть веганшей, – всхлипнула Эмма.

– И хорошо, – облегчённо вздохнул отец, – вот и прекрасно, тогда приятного аппетита. Кушай мясо, попробуй, ты не представляешь, как это вкусно.

Эмма взяла в руки кусочек мяса, который для неё отрезал папа, и отправила его в рот и стала жевать его таким видом, словно ей в рот сунули кусок подошвы от ботинка. В этот момент вернулась мама.

– Вот умница, – похвалила она дочь, – кушай деточка, не расстраивайся. Все люди так делают. Жуй хорошо, – заметив кислую мину дочери, посоветовала мама. – Кушай аккуратно.

Дети поковырялись в «главном блюде», взяли по груше и удались. В конце ресторана находилась игральная комната для детей.

– Ну, что, папа, – как тебе урок от деток? – ухмыльнувшись, спросила супруга. – Ты знаешь, меня даже стошнило.

– Глупые ещё, – закивал муж. – Дети...

– Дети не дети, а по сути-то они ведь правы! – Ангелина Фотеевна отодвинула от себя ненавистную тарелку. – На самом деле, что такое молочный ягнёнок, поросёнок, телятина? Это же дети, а человек жрёт их и не подавится...

– Ну, дорогая, знаешь, так можно договориться и до крайностей. По такой логике нужно тогда отказаться и от цыплят, и от утят, и от кроликов, да и вообще от мяса.

– Может, и нужно, – тяжело вздохнула женщина. – Живут же люди, как их, вегетарианцы. Они даже молока не пьют и яйца не едят.

– Это уже крайности, – не согласился супруг. – Мясо человеку необходимо, как и любому плотоядному животному.

Ангелина Фотеевна, услышав такое объяснение мужа, вздрогнула.

– Фу, как ты выражаешься! – воскликнула она. – Животное, да ещё и плотоядное.

– А как я выражаюсь? – развёл руками Павел Фёдорович. – Так оно и есть, что тут говорить? Это реалии нашей жизни. Давай тогда и от рыбы откажемся и, вообще, от любой живности. Только не забывай, даже Иисус Христос рыбу ел. Да и бараниной в его кругах не брезговали. Это жизнь, и тут ничего не изменишь. Голодный человек он ведь как зверь. У нас в армии как-то в пургу караул занесло, мы неделю без провианта сидели. Солдаты-старрики собаку съели. А что было делать? Не с голоду же умирать. Между прочим, есть целые народы, где собак поедают, и нормально к этому относятся. А мы едим говядину, баранину...

– ...ягнят, – добавила жена. – Зря ты детей решил этим блюдом угостить, ты видишь, чем это обернулось...

– Нет, не зря, – возразил, муж, – наши дети не в теплице растут, и они должны понимать, что человек удовлетворяет чувство голода разными продуктами. Что он питается, и овощами, и фруктами, и рыбой, и мясом. Твои предложения! Я должен умирать с голоду, но курочку или ягнёнка не тронь! Так, что ли?

– Не так, – согласилась жена, – но, видимо, ещё рано им каре ягнёнка есть...

– Но ведь ты их кормишь курицей, индейкой, – раздражённо воскликнул Павел Фёдорович, – и не возникало никаких недоразумений. А тут смотри, прямо...

В это момент вернулись дети. Они были веселы и шумны.

– Ладно, дети, – сказал отец, – спасибо вам за поздравления, за приятный вечер, пора нам домой.

Скормкины вышли на улицу, мороз пощипывал нос и щёки. Мама натянула дочери кашне на самый нос. Эмма не стал сопротивляться, шла молча зыря глазами по сторонам. В свой загородный посёлок семья добиралась на электричке. Выйдя из электропоезда, они увидели у перрона толпу народа, и синие маячки «скорой помощи».

– Господи, боже мой, – воскликнула Ангелина Фотеевна и спросила у стоявшей женщины: – Что тут случилось?

– Даже страшно говорить, – всхлипывая, ответила женщина. – Бродячие собаки напали на мальчишку и разорвали его на куски.

Ангелина Фотеевна ахнула.

– Морозьяка такой стоит на улице, – пританцовывая, добавил мужчина. – Собаки голодные, как волки, вот и напали на пацана...

Сверчок

Искусство есть такая потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего её, – неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете.

Ф.М. Достоевский

Даша кому-то звонила по мобильному телефону и объясняла, что на всё лето переехала к бабушке. Дед нарочито хмурился и бурчал на внучку:

– Не понимаю я своих внуков. Все они почему-то едут к бабушке. А ко мне, значит, вы не приезжаете?

– Ты чего дед? – выключив телефон, громко рассмеялась Даша. – Приезжаем! И к бабушке, и к дедушке приезжаем.

– А почему тогда все говорят «к бабушке в деревню»? – выпятил нижнюю губу старик. – Где я тут? Вон даже в рекламе молока и сметаны всегда бабушек показывают, словно дедушек на этом свете вовсе не существует. Дискриминация сплошная...

– Это ещё что такое? – выпятив губу, удивлённо спросила внучка.

– Ты же в школу уже ходишь, – усмехнулся Иван Ефимович.

– Мы пока такое слово не проходили, – замотала головой Даша. – Может, во втором классе начнём. А ты не можешь мне рассказать?

– Что рассказать? – сразу не сообразил дед.

– Ну, слово это... как его дистрима... дискра... ну, вот, которое ты только что сказал.

Дед улыбнулся, махнул рукой, подошёл к девочке, обнял её и ласково сказал:

– Да не слушай ты меня, старого дурака, пошутил я.

– Пошутил-и-ил? – удивилась девочка. – Значит, такого слова на свете нет?

– Ну, почему же сразу нет? – рассмеялся дед. – Слово-то есть, да у нас его нет...

– Где нет? В деревне? – уточнила Даша.

Дед уже был и не рад, что затеял эту тему. Он знал, что теперь Дашка не отстанет, и, пока он не объяснит ей, что означает слово «дискриминация», та вынесет ему весь мозг.

– Хорошо, – дед присел на порожек, – присаживайся, сейчас объясню.

Внучка уселась на ступеньку выше и, подперев подбородок обеими руками, приготовилась внимательно слушать.

– А ну-ка скажи ещё раз, – потребовала Даша. – Я хочу запомнить слово.

– Дискриминация, – буркнул дед.

– Не, – замотала девчонка головой, – я так не запомню, давай по слогам. Ди... кри...

– Да не «ди-кри», поправил Иван Ефимович, а «ди-скри»...

– Так! – радостно воскликнула Даша. – Ди-скри... Запомнила. А дальше?

– Дальше «нимация», – произнёс старик и осёкся.

– Нимация! – повторила Даша.

– Нет, – досадливо произнёс дед. – погоди, я сам ошибся. – Жестикулируя пальцами, он что-то пробормотал и выпалил: – Не «нимация», а «минация».

– Минация? – уточнила Даша. – Ой, дед, а я начало забыла.

Иван Ефимович тяжело вздохнул и предложил начать всё сначала.

– Слушай внимательно ещё раз: ди...

– Ди..., – тут же повторила Даша.

– А ты можешь сначала всё слово полностью послушать, а потом повторить? – нахмурившись, спросил дед.

– Нет! – решительно ответила внучка. – Такое длинное слово я сразу не запомню. Давай по слогам.

– Ладно, – согласился дед, – «наша песня хороша, начинай сначала»!

– Что ещё за песня? – Даша вытаращила глаза. Это из песни, что ли? Я такой не слышала.

– Да нет! – рассмеялся дед. – Просто есть такая песня, без начала и конца. Её можно петь хоть весь день.

– Ой, как интересно! – Даша радостно захлопала в ладоши. – А ну спой, – потребовала тут же внучка.

– А слово? – хмыкнул дед. – Мы же ещё слово не выучили...

– Да, точно, – согласилась девочка. – Ну, тогда давай выучим слово, а потом ты споёшь песню. Договорились?

– Договорились! – кивнул дед. – И так, «Ди...»

– Ди...

– «Скри...»

– Скри...

Иван Ефимович задумался.

– Да что ж это такое? – возмущённо воскликнул он. – погоди, дай я про себя его произнесу. Он снова стал что-то бормотать.

– Забыл, что ли? – тихо спросила девочка.

– Да не забыл, просто сам запутался с этим словом. Вот такое оно нехорошее слово.

– Нехорошее? – девочка испуганно прикрыла ладошкой рот и, наклонившись к уху деда, шёпотом спросила: дед, а оно не матерное? А то мама меня будет сильно-пресильно ругать. Мне матерные слова нельзя говорить, потому что я девочка.

– Дашенька, миленькая ты моя, – громко рассмеялся дед, – да ну что же ты такое говоришь? Ну, разве я бы стал учить тебя матерным словам? Да ты что?

– Ты же сам сказал, что слово нехорошее...

– Да ну я не в том смысле, – дед продолжал смеяться и утирать слёзы, – ну, рассмешила! Я имел в виду нехорошее, в смысле, трудно произносимое. Ты видишь, сколько прошло времени, а мы всё никак его не выучим.

– Это не много, дед, – возразила внучка, – у нас в классе есть Ромка Делягин, так вот он целую неделю учил слово «экскурсовод». Ты знаешь, кто это такой?

– Да откуда же я знаю, – старик развёл в стороны руки, – я и школу-то твою ещё не видел, а ты за Ромку какого-то спрашиваешь...

Даша залилась звонким смехом, да так, что на её смех прибежала Мотья, средних размеров ушастая дворняжка. Она села напротив хозяина и его собеседницы и, время от времени, склоняя голову то в одну, то в другую сторону, внимательно стала всматриваться в их лица. Со стороны это смотрелось как собачье недоумение, дескать, чего вы тут расхохотались.

– Ты чего заливаешься? – удивился Иван Ефимович.

– Да я же тебя не за Ромку спрашиваю, – пояснила внучка, – а за этого... как его... сбил ты меня... за экс-кур-со-во-да, – произнесла она на всякий случай по слогам.

– А-а-а! – протянул дед. – Так бы сразу и сказала. Ну, конечно, знаю. Я тоже, когда в школе учился, ходил с классом на экскурсии всякие. В Краснодон ездили, например. Про «Молодую гвардию» слышала?

– Нет, – ответила Даша и тут же добавила: – мы это ещё не проходили.

– «Проходили», – язвительно повторил дед. – Я думаю, вас уже теперь туда вряд ли повезут.

– Почему? – удивилась Даша. – Вас возили, а нас не повезут...

– Так, Дарья, – перебил дед, – слово-то учим или нет?

– Учим-учим, – подтвердила Даша. – Я начало уже запомнила: «Дискри...»

– А дальше проще, – сказал старик, – «...ми-на-ци-я».

– Ди-скри-ми-на-ци-я! – верно?

– Молодчина, – дед погладил внучку по голове и повторил, – молодчина. Так вот слово «дискриминация» означает... означает... как бы тебе объяснить, что бы ты сразу поняла. Ну, в общем, это когда кто-то считает себя лучше другого и всячески ему об этом напоминает, мол, я лучше, я умнее.

– Всё поняла! – воскликнула Даша. – Это про нашу учительницу.

– Как это про вашу учительницу? – с удивлением воскликнул дед. – Она что...

– Ну, она всё время нам говорит: сиди не умничай. Понимаешь? Умничать можно только ей. И вообще, ей можно всё – краситься, делать маникюр, на уроке по телефону говорить, всё-всё-всё! А нам ничего нельзя. Это дикри... дискри... минация?

– Нет, Даша, какая же это дискриминация, это дисциплина.

– Дисциплина, дед, – не согласилась внучка, – это когда не разговариваешь и не крутишься на уроках. А так получается, Вере Семёновне, можно всё, а нам ничего. Я, например, тоже хочу в школу ходить красивой.

– А ты некрасивой ходишь, что ли? – улыбнулся дед.

– Какая там красота, – вздохнула девочка, – я перед Новым годом нарисовала ногти и чуточку губы. Губнушку мне, кстати, мамина подруга, тётя Надя, подарила. Так Вера Семёновна такой шум подняла, что я даже плакала. Принесла мне жидкость, заставила стереть лак, потом отвела в туалет, умыла, и ещё маму в школу вызвала.

– Ну, а мама что? Ругала? – спросил дед.

– Нет, в школе она просто промолчала, а по дороге домой назвала Веру Семёновну идиоткой.

– Ну, это зря она, – неодобрительно покачал головой Иван Ефимович, – учительницу нельзя обзывать.

– Дед, – нахмурилась внучка, – ты что, против меня?

– Как это понять?

– Ну, ты за меня или за Веру Семёновну? – Даша прищурилась.

– Конечно, за тебя, внучка! – дед развёл руками и добавил: – в любом случае.

– Тогда и не защищай её. Злая она. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил дед. – А вдруг она не злая, а просто строгая?

– А какая разница? – хмыкнула девчонка. – Всё равно ругается. Не нравится она мне. Вот тётя Надя хорошая – мамина подружка. Она такая добрая и красивая...

В этот момент отворилось окно, и появилась голова бабушки.

– Ну, чего вы там воркуете? – весело спросила Анна Васильевна. – Мойте руки и за стол. Я вам тут таких вкусняшек наготовила.

– Идём-идём, бабулечка! – радостно ответила Даша и вспорхнула с порога, словно бабочка.

II

– Вот зараза! – бабушка палкой стучала по половице. – Не даст спать сегодня. Как же он туда забрался?

Сверчок, словно прислушиваясь к проклятиям Анны Васильевны, на какое-то время умолк, но через несколько минут снова «запел». «Запел» он, конечно, по мнению Даши – она радовалась каждой его новой мелодии. А для бабы Ани это было не пение, а «тарактанье». Дед почему-то употреблял и вовсе смешное слово. Он, заслышав непрошеного гостя, говорил:

– Ну вот, опять забулькал.

– Бабушка, – спросила девочка, – а как его зовут?

– Кого?

– Ну, сверчка вашего!

– Да бог его знает, – пожала плечами старушка, – сверчок да сверчок. Кто б его называл?

– А можно мы ему имя придумаю? – предложила внучка.

– Упаси, боже, – перекрестилась бабушка. – А то приживётся тут на всё лето. Будем потом ходить как сонные тетери. Сегодня до часу ночи трындел.

– А разве тебе не нравится, как он поёт? – удивилась Даша и предложила: – Послушай! Слышишь? Он говорит: перелью, перелью, перелью! А вот теперь: рули-рули-рули! Слышишь?

– Ой, Дашенька, не придумывай ты, ради бога, – всплеснула руками Анна Васильевна.

– Да ничего я не придумываю! – возразила Дарья. – Внимательно слушай. Теперь вот запел: бирюлёво-бирюлёво-бирюлёво!

– Ага, точно, скоро начнёт петь: Войковская-Шоссе Энтузиастов-Университет.

– Ой, смешно очень, – Дарья закатила вверх глаза. – Я же не виновата, что у вас слуха нет.

– У кого это нет? – возмутилась бабушка. – У меня нет слуха? А ты забыла, что твоя бабушка преподавала в музыкальной школе сольфеджио? И кто тебя на фортепьяно настоял отдать?

– Значит, постарела, – сделала вывод внучка. – Только старые люди и хулиганы не любят музыку. Мне так сказала мама.

– Нет, Дашенька, – возразила Анна Васильевна. – Не знаю, как там насчёт хулиганов, а музыку я любила всю жизнь и люблю сейчас.

– Тогда ты почему не любишь Бульку?

– Это ещё кто такой? – округлила глаза бабушка.

– Наш сверчок. Я придумала ему такое имя.

– Откуда ты его придумала? – удивилась бабушка.

– От деда, – рассмеялась Даша, – он всё время говорит, что сверчок булькает. Вот и пусть будет Булькой. Красиво же?

– Да ну тебя! – махнула рукой Анна Васильевна и прислушалась к Бульке.

Видимо, Даша всех заразила. И дед замер, слушая сверчка, и бабушка долго молчала. А потом вдруг удивлённо произнесла:

– А ведь и впрямь он поёт: «бирюлёво». Вот чертяка. Ладно, пусть живёт собака. Я хотела отравить, но...

Дашка аж побледнела.

– Как отравить? – испугано спросила она. – Ты хотела убить Бульку?

– Как тараканов травят, вот так и его! – ответила бабушка.

– Но ведь тараканы же не поют! – воскликнула Даша. – Ты что, бабушка? Нам в школе учительница говорила, что сверчок приносит в дом счастье. А моя учительница в «музы-

калке» рассказывала, что все великие композиторы слушали сверчков. Плохо, что у нас в квартире нет сверчка.

– Я пошутила, Дашенька, – заметив в глазах внучки слёзы, одумалась бабушка.

– Правда? – засияла девчонка и бросилась на шею бабушке. – Пожалуйста. Пусть живёт, не выгоняй его. Он такой хороший. И он вам принесёт счастье. Вот увидите.

На следующий день Даша пригласила в дом своих друзей – соседских детей. Те тоже приехали в деревню на лето. Мальчик Максим перешёл в третий класс, а девочка Лиза ровесница Даши, тоже перешла во второй класс. Максим увлекался плаванием и в музыке не разбирался. Лиза занималась в музыкальной школе по классу аккордеон. Девчонки решили открыть музыкальный театр.

Дождавшись, когда сверчок начнёт свой концерт, девчонки начали поочередно закрывать тетрадными листами щель, из которой раздавались Булькины трели. Затем девочки вырезали в листах разные окошки и, ловко прикладывая и меняя разные листы, они добились звучания первой мелодии. Радость случилась такая, словно девчонки попали на концерт Дмитрия Хворостовского.

За несколько дней юные музыкантши так усовершенствовали своё изобретение, что с его помощью могли смело воспроизвести начало любого музыкального произведения. Но что самое удивительное, в эту работу активно включилась и Анна Васильевна. Да и трудно было представить, что со своим опытом преподавателя музыкальной школы она пройдёт мимо такого великолепного начинания. Вечерами вся семья, кроме Мотьки (её в дом не пускали), слушала арии в исполнении деревенского артиста Бульки. Юные продюсеры использовали на подпевках даже басистое мурлыканье Соньки, чёрно-бело-рыжей кошки. Она, правда, долго не могла присутствовать на представлении, её хватало на первые полчаса концерта, затем она забиралась на спинку кресла и оттуда молча наблюдала за происходящим в местном музыкальном театре.

– Мама, мамочка, – кричала днём в трубку Даша, – приезжай скорее. Мы тут тебе концерт приготовили.

К сожалению, мама на премьеру не успела. Однажды вечером Булька так и не объявился.

– Булька, Булечка, отзовись, – умоляли девчонки.

Прошло два часа, но ничего не изменилось – Булька как сквозь землю провалился. Бабушка вышла по своим делам на улицу, но через минуту вернулась в дом со слезами на глазах.

– Что случилось? – первой вскрикнула Даша. – Что?

Бабушка не сразу решилась объявить, что произошло, но всё же пришлось.

– Концерты отменяются, пока нового сверчка не заведём.

– А что с Булькой? – всхлипнула Даша.

В этот момент в комнату вошла Сонька.

– Она его съела, – кивнула на кошку Анна Васильевна.

Девчонки расплакались, а Максим пытался их успокоить.

– Не плачьте, Даша, Лиза, поймаю я вам нового Бульку.

Даша повернулась к довольной, мурлыкающей Соне и, всхлипывая, строго сказала:

– Бессовестная ты кошка! Мы больше тебя никогда не позовём на концерт!

Словно в знак протеста, Соня, задрвав хвост, гордо прошагала мимо музыкантов на улицу.

Виртуал

*Будучи не в состоянии бороться и противостоять
силе привычки, человек делается её рабом.*

Сэмюэл Смайлс

Константин Кручинин внезапно расплакался. Завтра вставать в шесть утра, а он до сих пор так и не смог уснуть. Он включил ночник, нажал на кнопку телефона – 03:17. Какое завтра? Это уже сегодня, можно сказать, это почти сейчас. Костя швырнул на пол мобильник и, выключив свет, бухнулся на подушку.

– Одна, две, три, четыре, пять, – принялся он уже в который раз считать своих ненавистных овечек, – шесть, семь, восемь...

Вдруг он заметил, как в комнату кто-то вошёл.

«Грабитель? – первое, что пришло ему в голову. От страха он зажмурил глаза. – Но... но как он сюда попал. Дверь заперта на замок, на щеколду, даже цепочка имеется. Через окно, балкон? Седьмой этаж! Какое окно, какой балкон? Может, показалось...»

Нет, не показалось, вошедший заговорил:

– Привет, Костя! – голос незнакомца был немного с хрипотцой и каким-то металлическим, правда, таким слабым-слабым оттенком.

Кручинин приоткрыл глаза и обомлел – во-первых, откуда-то у кровати взялся тёплый, слегка желтоватый свет, а во-вторых, незванный гость был словно полупрозрачным.

– Здрасьте! – еле выдавил Константин. – Простите, вы кто?

– Не пугайся, – улыбнулся незнакомец, – я не опасен. Будь спокоен!

– Но, н-но, – заикаясь Костя, – к-кто вы? Как вы сюда попали?

Мужчина протянул руку и представился:

– Я твой виртуальный куратор. Зовут меня Интерон.

– Не-а! – замотал головой Костя, пожимая руку. – А это... ну... как это понимать? Я... вроде...

– Да не волнуйся ты так! – незнакомец сел в компьютерное кресло и забросил ногу на ногу. – Ты чего так разнервничался? Спокойно, друг, спокойно! Сейчас всё объясню и покажу. Вставай, одевайся, прогуляемся.

«Нет, тут что-то не то, – отчаянно подумал Константин, – что это за тип нарисовался?

Сейчас выберет момент, ткнет меня по темечку и прощай, Костик! Надо как-то в полицию позвонить...», – он потянулся за трубкой смартфона и спросил:

– А в туалет-то мне можно хоть сходить?

– Да иди куда хочешь, – рассмеялся Интерон. – Чего спрашиваешь? Я же не арестовывать тебя пришёл. Только эта затея с полицией – она вовсе не нужна. Звонить бесполезно. Мы с тобой сейчас находимся по другую сторону монитора. У нас здесь своя полиция, свои законы, порядки и прочее. Понимаешь?

Константин втянул ещё глубже в себя голову и ответил шёпотом:

– Нет, я ничего не понимаю. Если вас не затруднит, объясните, пожалуйста.

– Ну, вот это уже другое дело, – ухмыльнулся Интерон. – Ты сейчас находишься в сети. То есть не в реальной жизни, а в виртуальной. Уловил?

– В какой сети? – удивился Костя. – Я два часа назад лёг спать, просто не могу уснуть, бессонница у меня. Мне, видимо, нужно идти к врачу. У меня это уже не в первый раз.

– Врач тебе не поможет, – сказал гость, – для этого есть мы, виртуальные кураторы. Я научу тебя, как правильно есть, пить, спать, ну в общем, как правильно жить в нашем мире.

– В каком это вашем мире? – Константин едва не заплакал. – А я тут при чём? Ну, это ваш мир, а я-то...

– Ну, как при чём? – рассмеялся Интерон. – Ты здесь уже около двадцати лет. А за последние пять лет превратился в настоящего виртуала.

– Это ещё кто такой? – испуганно спросил Кручинин.

– Тот, кто большую часть своей жизни проводит в виртуальном мире. Вот статистика за последние пять лет, взгляни, – Интерон протянул собеседнику несколько бумажных листов, – мы нарочно для тебя распечатали.

Костя пробежал глазами по непонятным строчкам и, оторвавшись от цифр, отчаянно спросил:

– Что это?

– Ну, вот же смотри, – Интерон ткнул пальцем в строчку. – Бери любой год, любой месяц, например, 2015 год, сентябрь, видишь? Из семисот двадцати часов ты провёл в виртуальном мире четыреста пятьдесят пять. То есть шестьдесят три процента сентября ты провёл в сети.

– Вы... имеете в виду интернет? – громко сглотнув слюну, спросил Костя.

– А что ещё? Мы разве сейчас о рыболовной сети говорим? Хотя, – оживился гость, – какая-то в этом аналогия есть. Только мы, в отличие от рыбаков, нарочно никого не ловим. Вы сами к нам идёте и ныряете в нашу сеть с головой. Ты чего сидишь в трусах, Константин Сергеевич? Одевайся...

– Вы и отчество моё знаете? – изумился Кручинин.

– Вот чудак-человек, – ухмыльнулся гость. – Да ты за двадцать лет в интернете о себе всё рассказал тысячу раз. И рассказал, и показал, сейчас точно скажу... Вот: три тысячи пятьсот две фотографии с твоим изображением, триста четырнадцать видеороликов, двести сорок три заполненных анкеты и так далее и тому подобное. Это кто всё загружал в интернет? И удивляешься, что я знаю твоё отчество. Отчество, друг, это такая мелочь. Я все твои переписки знаю... Напомнить?

– Нет-нет! – Костя густо покраснел, вскочил с кровати и замахал руками. – Только не это! Ничего не надо напоминать!

– Тогда поживее одевайся, и пойдём на приём к нашему руководству.

- Постойте, уважаемый, так вы это... вы что, шантажировать меня будете?
- Да бог с тобой, Костя, – удивлённо произнёс Интерон. – О каком шантаже ты говоришь? Ты что?
- Ну, вы только что пугали меня перепиской в интернете...
- Ну, во-первых, я тебя не пугал, а просто напомнил, поскольку ты удивился, что я назвал тебя по имени-отчеству, а во-вторых, мы светлая сторона интернета. Не путай нас с тривиалами.
- А это ещё кто такие? – раскрыл рот Кручинин. – Час от часу нелегче!
- Это наши, так сказать, оппоненты, – сказал Интерон. – Ну, если говорить прямо, враги. То есть, интернет разделён на два сектора – светлый и тёмный. Светлым руководит Вирт, а тёмным – Трив...
- Ты смотри, – Константин изумлённо покачал головой, – это же имена-зеркальные отражения.
- Да, так и есть, – подтвердил Интерон. – Только Тривиалы появились гораздо позже, чем Вирт. Когда создавалась всемирная сеть, мы и не предполагали, что разведётся столько нечисти.
- Кого вы называете нечистью? – спросил Кручинин.
- Хм! – ухмыльнулся Интерон. – Отгадай с трёх раз.
- Да-да, – закивал Константин, – кажется, я догадываюсь! Вирусы всякие, вредные программы, сайты и тому подобное. Верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.